

ОТЦОВСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ КРЕСТЬЯН АЛТАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-31-00307а2 «Женщина и мужчина в русской деревне: гендерные стереотипы старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX – первой половине XX в.»).

Реконструируются представления русских крестьян Алтая о значении отцовства в жизни мужчины, о взаимоотношениях отца и ребенка, его роли в воспитании, бытовавшие во второй половине XIX – первой половине XX в. Исследование основано на этнографических материалах, собранных в Алтайском крае и на прилегающей территории Восточно-Казахстанской области. Автор пришел к выводу о влиянии социальных и культурных перемен первых десятилетий существования советской власти на традиционные представления русских Алтая об отцовстве.

Ключевые слова: отцовство; детство; традиции воспитания; русские Алтая.

Рождение детей считалось смыслом жизни мужчины, как и женщины: «Дитенка не дал Бог... Наказал за что-то... Ни к чему вся жизнь выходит», – сетовал крестьянин – герой одного из рассказов алтайского писателя Г.Д. Гребенщикова [1]. Отношение к плодородию как

важному явлению отразил комплекс символики в материальной культуре русских Алтая. Наибольшее сосредоточение семантика плодородия получила в орнаментальной отделке мужского свадебного костюма (рис. 1), дольше всего она сохранялась у старообрядцев [2. С. 261].

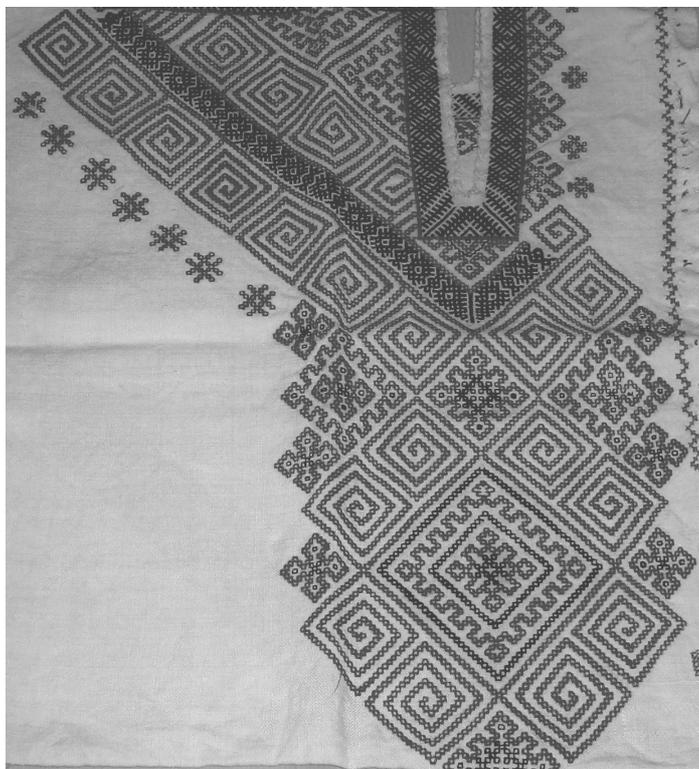

Рис. 1. Фрагмент отделки мужской свадебной рубашки (вторая половина XIX в.).
Из фондов Шемонаихинского историко-краеведческого музея

Реализация фертильной функции влияла на статус мужчины в обществе. Даже женившись, взрослый сын продолжал оставаться частью отцовской семьи, его хозяйственной единицей. Чаще всего он становился самостоятельным домохозяином после рождения детей. Сына выделяли из большой отцовской семьи, ставили ему дом, давали часть скота и инвентаря [3. Серебрянников И.Я., Подлесных Д.А.; 4. Свиридова М.Н.]: «Как много внуков, отделяют старшего» [4. Медведева П.К.]; «Они когда отделяли?! Как дети пойдут» [4. Волкова М.Г.]. Данная зависимость стала ослабевать к концу исследуемого периода с укреплением

финансовой самостоятельности детей, благодаря работе в коллективном хозяйстве: «Мы жили в колхозной избе, отделились от своих» [4. Чернышова А.П.].

У русских Алтая мужчина чаще всего не присутствовал при рождении своего ребенка, считалось, что при нем роды проходят тяжело [5. Т. 1. С. 173]: «Никого не пускали... Это такие создаются муки, что не родить... стесняешься» [4. Сальникова А.И.]; «Муж уходил... Если две комнаты, он в другую где-нибудь уйдет, а так. Вот у нас одна была, так у нас отец уходил» [6. Иванникова А.К.]. Для мужчины как представителя «культуры» рождение человека являлось процессом «при-

родным», следовательно, оппозиционным «культуре». Это было событие загадочное и, в некоторой степени, пугающее. Лишь при сложных родах его могли пригласить для ритуала кувады [5. Т. С. 173], чтобы облегчить страдания жены, «перенеся» на мужа часть ее страданий: «При трудных родах звали мужчину. Она хватала его за руку, за локоть» [3. Серебрянников И.Я.]. У поляков отец благодарил повитуху за помощь при рождении ребенка и преподносил ей подарок: «Платок дарил отец повитухе» [3. Черноокова В.Л.].

Отец, в отличие от матери, не обладал врожденной любовью к своему ребенку, он ее приобретал, в том числе через ритуальную практику: у русских Алтая, приняв новорожденного, повитуха заворачивала в его рубаху отца, чтобы тот больше любил ребенка. Особенно часто это проделывали с девочкой [3. Воронкова М.И.; 7. С. 282; 8. С. 55]: «На отцову рубаху принимали ребёнка, чтоб любил, в нестиранную, чтоб пахло» [4. Полеваева Н.Д.]; «Отец чтобы больше любил ребенка, дак его рубаху брали... клали в его рубаху» [4. Мосина Ф.Е.]. А.Ф. Некрылова и В.В. Головин полагают, что это было связано с отсутствием физического контакта отца с младенцем, поэтому отеческая любовь программировалась с помощью рубахи [9. С. 10]. Связи маленького ребенка с отцом действительно были ограничены, у старожилов отцу не полагалось даже брать его на руки [8. С. 56]. Американская исследовательница Н. Чадороу полагает, что образ отца был для ребенка более внешним, далеким и пугающим, чем образ матери. Однако со временем, взрослея, мальчик и девочка подсознательно идентифицировали себя с родителем своего пола [10. С. 29].

В течение жизни у отца с ребенком, как и у матери, устанавливалась духовная связь. У старожилов и переселенцев Алтая детям запрещалось выносить гроб родителей и бросать землю в их могилы, чтобы души покойных их не беспокоили или не «утянули» с собой [3. Берсенева В.И.; 4. Сальникова А.И., Седых О.Е., Митрохина А.Т.]: «Отец помрет, чтобы дети гроб не носили» [3. Новикова Н.С.]; «Сыновья не выносили, за гроб не брались сыновья» [4. Сальникова А.И.]; «Говорили, что покойник новый будет, поэтому своим нельзя нести» [4. Соскова М.Н.].

Считается, что мужчины отдавали приоритет сыновьям, особенно первенцам, они считались продолжателями рода [4. Белозерских А.Р., Гутова Е.Е., Чеглакова Е.П.; 6. Иванникова А.К., Рыбникова А.С.; 8. С. 54]: «Как обычно сына больше ждали... род сохраняется» [4. Пичугина А.И.]. Этот стереотип подкреплялся законами Российской Империи, поскольку земельный надел полагался только лицу мужского пола: «У кого много парнишек народилось, у того много и земли, на мужскую голову только давали землю, а на женскую – то нет» [6. Рыбникова А.С.]. С распространением коллективного хозяйства женщина становилась такой же рабочей единицей, как и мужчина. Возможно, это повлияло и на отношение к полу ребенка: «Ну, раньше этот отец примерно и парнишек любил, и девчонок» [6. Иванникова А.К.]; «Ко всем одинаково относились, детё есть детё» [4. Антропова А.И.]. Хотя демографическая диспропорция между полами, возникшая в результате Великой Отечественной войны, привела к предпочтению мальчиков.

Потеря отца для ребенка считалась меньшей бедой, чем потеря матери. Об этом открыто говорили пословицы старожилов Алтая: «С матерью – половина сироты, с отцом – весь сирота»; «Легче трижды гореть, нежели детному вдоветь» [11. С. 82, 85]. В то же время общество считало детей, выросших без отца, ущербными, особенно если они были рождены вне брака [4. Смирнова А.М.]: «Отца в армию забрал, так безотцовщиной называли. Те кто с отцами выросли, нашего брата, так безотцовщина скажут еще. Досталось нам» [4. Солохеева А.И.]; «Детство-то досталось у меня бедное. Так кого без отца вырастить» [6. Гусельникова А.С.].

На Алтае отца обычно называли «тятя», «тятенька», «тятя молодой», дедушку – «тятя старый», казаки и чалдоны – «папаша», тамбовские переселенцы – «папаня», к родителям часто обращались на «Вы» [3. Архипова А.Г., Подлесных Д.А., Попова И., Сорокина А.М., Серебрянников И.Я., Черноокова В.Л.; 4. Антропова А.И., Берсенёва Е.П., Ворсина Т.М., Елина П.П., Казакова Ф.Р., Комисарова Н.Ф., Маркина М.Х., Митрохина А.Т., Пушкарева Е.В., Солохеева А.И., Соскова М.Н., Тарских М.Т.; 6. Рыбникова А.С.]: «Тятя, тогда ведь тятя звали» [4. Воронова А.И.]; «Тогда ведь тятя звали. Это сейчас папами стали звать, а тогда ведь мы все время тятями звали» [4. Русанова Т.В.]; «Папа – это хлеб, а тятя – это сибирское, а вот папаня – так вот мы его звали папаня» [6. Лошилина А.С.].

Отец, точнее старший мужчина в доме, считался главой семьи [3. Воронина М.В., Подлесных Д.А.; 4. Волкова М.Г., Дерягина Е.Ф., Домникова Е.Ф., Прохорова Л.Ф., Унжакова Е.А., Чернышова А.П., Шабалин А.В., Хакелева А.Е.; 6. Кузовлева О.Е.]: «У них был главный дед, он всем руководил» [4. Рыжкова М.Г.]; «Тятя – главный в семье у кержаков» [3. Стрельцова А.Г.]; «Тятя главный в семье» [3. Сысоева В.С.]; «Даже если отец старый, он хозяин» [4. Бушина М.Ф.]. Главенство отца воплощалось в ритуале разделения хлеба или другой пищи между членами семьи во время еды: «Мама еду на стол, тятя хлеб нарежет» [4. Еловинова В.С.]; «По чашке ложкой отец стукнет – значит можно мясо есть» [3. Подлесных Д.А.]. У старожилов и пермяков он первый начинал трапезу, остальные могли употреблять пищу только с его разрешения [4. Черданцева Л.Г.; 12]: «Только по разрешению дедушки кушали» [3. Федорова В.П.].

К концу исследуемого периода роль отца как главы семьи снижается, все чаще появлялись семьи, где мужчина и женщина считались равными обладателями власти [4. Лапина Е.И., Одрова А.Г., Русанова Т.В.]. Увеличивается число неполных семей, в которых дети воспитывались без участия отца. Связано это было с укреплением финансовой самостоятельности женщины, возможностью расторжения брака и демографической диспропорцией вследствие репрессий и войн [4. Воронова А.И., Новожилова М.Д., Пурис А.Н., Русанова Т.В.; Увяхмина Е.И., Скуратова Е.Ф., Завершинская П.И.; 6. Рыбникова А.С., Голованова Е.Л., Жаглина А.Д., Лямкина Е.И., Сологуб Т.Г.]: «Я вот прожила всю жизнь – я хозяйкой была. У меня мужик дома помер, ишо, ну, та дочь и вот шас ета – они все мне подчинялись» [6. Голенкова Е.А.]; «Вдовухой осталась совсем молодая с тремя детьми, на финской войне муж у меня погиб родителя моего родного в переворот убили... Одна жен-

щина жила... пятеро и все пятеро от разных мужиков» [4. Волкова Т.И.]; «Полно народили... У нас приходил Семен, у него у пятерых были дети... У меня золовка, двоих родила» [4. Антропова А.И.].

В воспитательном процессе отцу отводилась роль «морализатора»: «Отец обязательно учил, чтоб не курил, не пил, не матерился» [4. Волкова М.Г.]; «Чтоб уважительный был к людям» [4. Иовбак Г.Т.], «Воли шибко не давал» [4. Смирнова А.М.]. Он учил детей морали, используя различные сказки, заговоры [6. Титова М.Ф.]: «Кто этот сон поймет, да помилует, трижды раз в день прочтет, *да отца, мать почтет*, не будет тот раб, на воде не сгорит, на воде не утонит, суду судом не обсужден и от всякой напасти сохранен» [4. Волкова М.Г.]. Поскольку мужчины были грамотными чаще, чем женщины, они обучали своих детей: «Учил нас петь, читать стихи Пушкина, Некрасова, Кольцова» [13. Л. 6]; «Дедушка всех своих детей учил грамоте и дочерей» [4. Сабодаж З.Е.]. В первую очередь отец должен был оказывать влияние на поведение сыновей, обучать их «мужской» работе: «Ребятишки больше они с отцом» [4. Прохорова Л.Ф.]; «А вот с мальчишками, на каком-то там промежутке разговаривал отец: «Ты будущий глава семейства, ты будешь отцом, у тебя будут дети... Выбор (жены. – *Е.К.*) должен быть однозначный, не несколько раз тот, другой, третий», с кем он сравнивал не помню, с кошками что ли» [4. Фоменская В.Н.]; «Если ф парень – отец приучал к работе, там-кась пахать на поле, сено косить или че» [4. Скуратова Е.Ф.]; «Отец приучал своих детей к хозяйству, копна возить» [3. Косарева Е.Г., Черятьева А.Г.].

Отец и мать несли моральную ответственность перед богом и обществом за поведение своих детей: «Родители отвечают за ребёнка, я за него молюсь» [4. Е.А. Унжакова]. Особенно строго было в общинах староверов, где за проступки ребенка могли родителей наказать, например запретить посещение собора, исключить из общины [14. С. 33; 4. Пивоварова А.Г., Пурис А.Н.]. Старообрядцы полагали, что если они разрешают ребенку заключить брак с представителем другой веры, то берут на себя грех и должны отмаливать его у бога [4. Борисова З.Е.].

Исследовав тексты сибирских похоронных причитаний по родителям, мы пришли к выводу, что отец воспринимался как защитник от внешних сил, его функции – пригреть, пожалеть, защитить от обидчиков. Причитания по матери отличались большей эмоциональной окраской, вариативностью и объемом. Ее функции по отношению к ребенку были более разнообразны, чем у отца: приласкать, приголубить, научить, на ум наставить, прижалеть, направить, накормить, спотешить, быть опорой, поверенным в личных делах и переживаниях и т.д. [15. С. 334–350]. По мнению А.Ф. Некрыловой и В.В. Головина, отец задавал форму семейному бытию, определял роль и функцию семьи в общекрестьянском миропорядке, а мать следила за исполнением этой формы, осуществляла ее поддержку, наполняя эмоциональным содержанием [9. С. 14].

В народном сознании отец олицетворял страх и наказание. Этот образ ребенок проносил через всю жизнь [4. Волкова М.Г.]: «Отец нас не трогал пальцем и не ругал. Его боялись страшно. Женихи уже были, и то боялись» [6. Репина А.П.]; «Отца боялись, как огня» [4. Белозер-

ских А.Р.]; «Тягенька... он хороший был старик, начистый, муж его слушался – боялся» [4. Прохорова Л.Ф.]. Физические меры воспитания не являлись большой редкостью, их могли применять и к взрослым детям [4. Завершинская П.И.]. Особое пристрастие к рукоприкладству имели бергалы и сибиряки, у них слово «учить» употреблялось в значении «бить» [16; 17. С. 57]. По свидетельству М.В. Швецово, в большинстве семей бергалов дети получали от родителей гораздо больше побоев, чем ласки [18. С. 11]. Строгость отмечают и в семьях кержак-ков: за шалость во время обеда отец мог ударить ребенка ложкой по лбу: «Тятя шибко злой был. Как сядем за стол и все... никаких бегать... как зафинтилил мне деревянной ложкой вот сюда» [4. Еловинова В.С.]; «Отец избивал дочь за гуляние» [3. Архипова А.Г.]. Казаки также могли физически наказывать детей [4. Полеваева Н.Д.; 12]. В то же время у «поляков» по отношению к детям не было принято применять насилие [17. С. 57, 64]: «Тятя никогда не бил детей, добрый был, никогда не наказывал» [3. Сысоева В.С.].

Встречаются свидетельства как в архивных, так и полевых источниках о физическом наказании детей и в семьях российских переселенцев [3. Федорова В.П.; 4. Иванова В.П., Пушкарева Е.М.]: «Сын показал, что сам отец бил его и его жену несколько раз» [19. Л. 19 Б]; «Мать нет, а отец когда подерет, че-нибудь напакастим... ремнем» [4. Скуратова Е.Ф.]; «Отец, сына бил, а тот на потры лазил, уже когда женат был и сын был уже» [4. Зуева П.И.]. По мнению Т.Б. Щепанской, в русской традиции отец (муж) был исполнителем, персонификацией страха, который мать целенаправленно формировала и использовала в целях управления [20. С. 211–243]. С этим можно согласиться, поскольку дети контактировали в первую очередь с матерью, а потом с отцом, она производила наказание за основную массу проступков, оставляя за собой возможность обратиться к отцу ребенка, если сама не справлялась или проступок был очень серьезным.

Существовал приоритет родительского слова и поступка по отношению к ребенку, каким бы взрослым он не был [3. Козлова В.А.; 6. Репина А.П.]: «Раньше дети не сопротивлялись. Родители что скажут, то и делали» [6. Кулакова П.Т., Слащева В.Т.]; «А отец командовал. Тогда родителей-то слушались. Тогда боялись, проклянет. Все подчинялись, и снохи, и дочери» [6. Тузовских М.Е.]. По словам Г.Д. Гребенщикова, у старообрядцев Алтая слушаться старшего считалось большим грехом наравне с нарушением поста [16]. Это подтверждают и этнографические, и архивные источники: «Положено родителей слушаться» [4. Чеглакова Е.П.]; «Великий грех не слушаться родителей» [3. Стрельцова А.Г.]. Давая показания по уголовному делу об уклонении в раскол, старообрядка Ефросинья Шахова объясняла, что не венчалась с мужем в церкви, поскольку родители были против, а благословили ее на сводный брак: «Из воли родителей своих я выйти не могла и не стала, почему до сих пор живу с Иваном Шаховым как жена с мужем» [22. Л. 10 Б – 11].

У русских Алтая во второй половине XIX – первой трети XX в. в большей степени отцу принадлежал приоритет выбора невесты или жениха для своего ребенка. Особой строгостью в этом вопросе отличались старожилы, за исключением поляков и бухтарминцев [3. Архипова А.Г.; 4. Быковская З.И., Гричишкина Е.М., Ка-

порина М.А., Маркина М.Х., Пичугина А.П., Пушкарева Е.В., Рыжкова М.Г., Тукоева Г.А., Трепова А.Ф.; 6. Кулакова П.Т., Слашева В.Т.; 12; 23. С. 2; 24. С. 200]: «Отцу может не понравиться жених, и откажут» [3. Стрельцова А.Г.]; «Он ее не любил, а отец заставил на ей жениться» [4. Сабодаж З.Е.]; «Родителям понравилась невеста – значит, тебя можно женить. А нравится она тебе, нет, какое это дело отцу» [6. Тузовских М.Е.]. Бергалы самовольный отказ молодежи от брака считалась неслыханной дерзостью. Отец мог «убеждать» сына с помощью порки, на этой почве случались самоубийства [18. С. 13–16]. Российское законодательство способствовало закреплению данных стереотипов, обязывая родителей выдавать дочерей замуж, и требуя их согласия на брак детей [25. С. 1, 12]. Сын имущественно зависел от отца, от его желания выделить имущество новой семье. С приходом советской власти, оттеснением религиозной идеологии и укреплением финансовой независимости совершеннолетних детей от родителей выбор брачного партнера становился в большей степени личным делом молодежи. Влияние отцовского авторитета при решении данного вопроса ослабевало [4. Смирнова А.М.]: «Ну конечно сам, нешто родители. Выберут родители, а ему не поглянется, тогда чё?.. У нас то по доброму желанию уже сходились» [4. Русанова Т.В.]; «Сами, тогда не было моды родителям знакомить» [4. Воронова А.И.].

В народном сознании большую роль играли родительские, в том числе отцовские санкции, олицетворением которых являлось родительское благословение. Дети должны были получить его, вступая в брак, особенно важным это считалось у старообрядцев-беспоповцев, поскольку их брак скреплялся не венчанием, а благословением родителей и наставника общины [3. Косарева Е.Г., Черятьева А.Г.; 21. С. 87]. Именно оно придавало крепость браку даже официально не зарегистрированному: «Жили, все терпели. Боялись, они благословленные же – брачили. Боялись благословление родительское испортить. Если я уйду, на мне грех останется, греха боялись» [3. Шестакова Е.]. Также у старожилов, особенно у старообрядцев, начиная какую-либо работу,

сноха должна была получить благословение родителей мужа. Чаще всего его давала свекровь, поскольку она управляла снохами, но мог это делать и свекр – отец мужа [4. Волкова М.Г., Чернодарова Л.Ф.]: «Матушка, благослови меня, я пошла корову доить... Мамонька, посмотри, или тятенька, тятенька, посмотри я печку буду затоплять, трубу открывать» [3. Стрельцова А.Г.]. Бухтарминцы верили, что если беременная женщина без благословения откроет отдушину в стене, вещича (демонологический персонаж) «выдавит» из нее ребенка [11. С. 94]. Видимо, оно считалось средством защиты от злых сил. К концу исследуемого периода эта практика стала забываться даже в семьях старообрядцев. Вероятно, родительские санкции направляли жизненную энергию ребенка. Так, по рассказу одной из информанток, у нее перестали расти волосы после того, как она послушавшись отца самостоятельно их остригла, и возобновили свой рост, когда отец своей рукой подрезал дочери волосы: «А у мене косы хороши были, вот так до жопе. А девчонки все под кружок остриглись и валики завивали, а мне тоже охота... Это в войну... А я говорю: “Тятя отрежь мне косы, девчонки все валики навили, мне тоже охота”. А он говорит: “Будешь как стог подъеденный”... И все они мне не растут и все. Я тогда говорю: “Тятя подрежь мне”. «Я тебе говорил, будешь как стог подъеденный?!”. Он мне подрезал, я маленько валики поносила, и они как пошли» [4. Холодкова М.Ф.].

Таким образом, реализация роли отца мужчиной влияла на его статус в обществе. Образ отца был для ребенка более далеким, пугающим, чем образ матери. Их связь создавалась и крепла в течение жизни, особенно с ребенком мужского пола. Традиции воспитания во многом складывались под влиянием православия и имели специфику в зависимости от этнографической принадлежности их носителя. Во второй половине XX в. традиционные представления русских крестьян Алтая претерпевали изменения под влиянием социальных, культурных, экономических и демографических процессов, происходивших в это время в стране. Можно сказать, что появляется тенденция ослабления влияния отца на жизнь ребенка и снижение его авторитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенщиков Г.Д. Якуня-Ваня // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. [Б.м.], 2007–2008. URL: <http://grebensh.narod.ru> (дата обращения: 25.06.2008).
2. Мотузная В.И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района // Солонешенский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 255–280.
3. Материалы этнографической экспедиции Алтайской государственной академии образования. 1999. Красногорский район, с. Карагайка, Косарева Е.Г., Черятьева А.Г., Шестакова Е., с. Карагуж, Воронина М.В.; 2000. Петропавловский район, с. Камышинка, Берсенева В.И.; Солонешенский район, с. Соловьяха, Козлова В.А.; 2002. Алтайский район, с. Алтайское, Воронкова М.И., Сорокина А.М.; с. Куяча, Серебрянников И.Я.; Целинный район, с. Целинное, Подлесных Д.А.; 2011. Солонешенский район, с. Сибирячиха, Попова И., Чернокова В.Л., с. Топольное, Архипова А.Г., Сысоева В.С., Федорова В.П., с. Туманово, Архипова А.Г., Новикова Н.С., Стрельцова А.Г.
4. Полевые материалы автора. 2001. Кытмановский район, с. Ново-Никольское, Шабалин А.В., с. Мишиха, Гричишкина Е.М., Комисарова Н.Ф., с. Сунгай, Бушина М.Ф., Зуева П.И., Гугова Е.Е.; 2003. Бийский район, с. Верх-Катунское, Пивоварова А.Г., Чеглакова Е.П., с. Марушка, Иовбак Г.Т.; 2004. Чарышский район, с. Маралиха, Белозерских А.Р., Берсенёва Е.П., Ф.Р. Медведева П.К., Унжакова Е.А., с. Маральи Рожки, Домникова Е.Ф., Тарских М.Т., с. Тулата, Полеваева Н.Д., с. Чарышское, Казакова Ф.Р.; 2005. Солтонский район, с. Излап, Еловинова В.С., с. Макарьевка, Антропова А.И., Воронова А.И., Новожилова М.Д., Прохорова Л.Ф., Русанова Т.В., Смирнова А.М., Солохеева А.И., Увяхмина Е.И., с. Сузоп, Пурис А.Н., с. Урунск, Волкова Т.И., Дерягина Е.Ф., Скуратова Е.Ф.; Шелаболихинский район, с. Иня, Тукоева, Чернодарова Л.Ф., с. Ново-Обинцево, Пушкарева Е.М., с. Старо-Обинцево, Волкова М.Г., Елина П.П., Пушкарева Е.В., с. Шелаболиха, Быковская З.И., Митрохина А.Т.; 2006. Восточно-Казахстанская область, с. Выдриха, Борисова З.Е., г. Шемонаиха, Иванова В.П., Капорина М.А., Пичугина А.И., Сабодаж З.Е., Фоменская В.Н.; Тогульский район, с. Ново-Иушино, Ворсина Т.М., Лапина Е.И., Мосина Ф.Е., Рыжкова М.Г., Седыш О.Е., Холодкова М.Ф., Чернышова А.П., с. Старый Тогул, Маркина М.Х., Одрова А.Г., Свиридова М.Н., Трепова А.Ф., Хакелева А.Е., с. Тогул, Сальникова А.И., Соскова М.Н.; 2011. г. Бийск, Завершинская П.И., Черданцева Л.Г.
5. Курсакова А.В. Родильно-крестильная обрядность Бийского района // Бийский район: история и современность : в 2 т. Барнаул, 2005. Т. 1. С. 171–185.
6. Архив лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.: 1996. Третьяковский район, с. Екатеринбург, Голованова Е.Л.; 1997. Усть-Пристанский район, Жаглина А.Д.; 1998. Залесовский район, с. Залесово, Репина

- А.П.; 1999. Заринский район, с. Жуланиха, Голенкова Е.А., с. Среднекрасилово, Гусельникова А.С.; 2000. Мамонтовский район, с. Вяткино, Сологуб Т.Г., с. Мамонтово, Лоцилина А.С., с. Островное, Кулакова П.Т., Слащева В.Т.; 2001. Кытмановский район, с. Семеново-Красилово, Тузовских М.Е.; с. Порошено, Титова М.Ф.; 2002. Зональный район. с. Соколово, Рыбникова А.С.; 2003. Бийский район. с. Ма-лоенисейское, Кузовлева, с. Новиково, Иванникова А.К.; 2004. Чарышский район, с. Чарышское, Лямкина Е.И.
7. *Курсакова А.В.* Обычаи и обряды, связанные с рождением детей в крестьянской семье (по материалам экспедиции в Солонешенский район) // Солонешенский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 281–287.
 8. *Сафьянова А.В.* Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX – XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
 9. *Некрылова А.Ф., Головин В.В.* Роль отца в традиционной народной педагогике // Мир детства и традиционная культура. М., 1994. С. 7–26.
 10. *Чадороу Н.* Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола // Антология гендерных исследований. Минск, 2000. С. 29–77.
 11. *Герасимов Б.* В долине реки Бухтармы: краткий историко-географический очерк // ЗСПЗСОРГО. 1911. Вып. 5.
 12. *Гребенщиков Г.Д.* Егоркина жизнь // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. [Б.м.], 2007–2008. URL: <http://grebensch.narod.ru> (дата обращения: 25.06.2008).
 13. *Шемонаихинский* историко-краеведческий музей. Из неописанных фондов. Воспоминания Н.Н. Назаровой-Агафоновой, 1975 г.
 14. *Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П.* Кто такие бухтарминские старообрядцы // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 1–48.
 15. *Русский* семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2002.
 16. *Гребенщиков Г.Д.* Река Уба и убинские люди (литературно-этнографический очерк) // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. [Б.м.], 2007–2008. URL: <http://grebensch.narod.ru> (дата обращения: 25.06.2008).
 17. *Швецова М.* «Поляки» Змеиногорского округа // ЗЗСОИРГО. Омск, 1899. Кн. 26. С. 1–92.
 18. *Швецова М.* Из поездки в Ридерский край // ЗЗСОИРГО. Омск, 1898. Кн. 25–26. С. 1–27.
 19. *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. 382. Оп. 1. Д. 3. Предварительное следствие мирового судьи первого участка Змеиногорского уезда Томского окружного суда по делу обвинение Кузьмы Федоровича Давыдова по ст. 1534 Уложения о наказании. 1902 г.
 20. *Щепанская Т.Б.* Дискурсы власти: термины родства // Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 4. С. 211–243.
 21. *Старухин Н.А.* Из истории старообрядчества и старообрядческих согласий Залесоского района // Залесоское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 77–90.
 22. ГАТО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 66. Формальное следствие Земского заседателя третьего участка Бийского округа по делу об уклонении в раскол крестьян деревни Зевакиной, Усть-Каменогорской волости Евстафия и Федора Шаховых и о своде ими детей своих на блудные сожителства. 1889 г.
 23. *Гуляев С.И.* Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. СПб., 1848. Т. 90, ч. 1. С. 1–58.
 24. *Зобнин Ф.К.* Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда (этнографический очерк) // Шарабарина Т.Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 199–219.
 25. *Законы о женщинах* / сост. Я.А. Канторович. СПб., 1899.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2012 г.